

УДК 28:37(470.4)

Оренбургское магометанское духовное собрание и вопросы обновления содержания обучения конфессиональных школ (конец XIX – начало XX в.)

И. К. Загидуллин,

Центр исламоведческих исследований
АН РТ,
г. Казань, Республика Татарстан,
Российская Федерация

The Orenburg Muslim Spiritual Assembly and revision of curriculum content at confessional schools (late 19th – early 20th century)

I. K. Zagidullin,

Center for Islamic Studies, the Academy
of Sciences of the Republic of Tatarstan,
Kazan, the Republic of Tatarstan,
the Russian Federation

Аннотация

В статье рассматриваются несколько сюжетов, связанных с деятельностью Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС) в сфере школьного образования в конце XIX – начале XX в., т. е. в период, когда мектебе и медресе были изъяты из его ведения. Политика отказа от прямого вмешательства в «школьный вопрос» выразилась прежде всего в том, что ни одно из решений не было оформлено как постановление Духовного собрания, что свидетельствует о грамотной юридической практике религиозного органа. Хотя в фетве муфтия 1897 г. в качестве одной из важнейших задач мусульманского сообщества было объявлено непременно обучение мальчиков в мектебе, по российскому законодательству наставление муфтия не имело для духовных лиц обязательного характера и являлось лишь наставлением. В начале XX в. Духовное собрание практиковало оформление всех своих важнейших решений как консолидированное мнение участников совещаний, непосредственно или опосредственно организованных членами и/или председателем ОМДС. В результате просветительно-назидательский характер трансляции ОМДС обновленческих идей стал главным рычагом идеологического воздействия на мусульманское духовенство. Такая форма работы в значительной степени дополнялась активной деятельностью казыев, устраивавших словесные дискуссии со своими оппонентами во время межлисов и широко и умело использовавших печатное слово для распространения новых идей. Вплоть до 1908 г., пока государство кардинально не пересмотрело свою позицию в отношении джадидских мектебов, отдав предпочтение кадимистским религиозным школам, курс ОМДС в целом совпадал с правительственной школьной политикой. В последующие годы различные инициативы или решения Духовного собрания, имеющие отношение к мусульманской школе, вызывали симпатии и поддержку прогрессивной татарской интеллигенции, однако не одобрялись имперскими структурами, чем объясняются неудачи его начинаний.

Abstract

The article deals with several subjects related to the activities of the Orenburg Muslim Spiritual Assembly in terms of school education in the late 19th– early 20th century, i.e., during the period when maktab and madrasah were taken out of its control. The policy of refusal of direct interference with the school issue was primarily expressed in the fact that none of the decrees

were formalized as statements of the Spiritual Assembly, reflecting the smart legal policy of the religious body. Although in the mufti's fatwah of 1987 one of the crucial tasks of the Muslim society was declared as the compulsory education of boys in maktabas, according to the Russian legislation, the mufti's instructions did not have a binding nature and were just recommendations. The Spiritual Assembly practiced formalizing all its most important decrees as a consensus of participants of meetings which were directly or indirectly organized by members and/or the Head of the Orenburg Muslim Spiritual Assembly. As a result, the education and instructive nature of demonstrating renovated ideas by the Orenburg Muslim Spiritual Assembly became a tool for ideological influence over the Muslim clergy. This kind of work was significantly supplemented with the active work of qadis, who organized debates with their opponents during Majlis and widely and smartly used the power of printer's ink for dissemination of new ideas. Until 1908, when the government reconsidered its position in terms of Dzhadid maktabas, preferring Kadimist religious schools, the policy of the Orenburg Muslim Spiritual Assembly aligned with the government's school policy. In the following years, various initiatives or decrees of the Spiritual Assembly related to the Muslim school aroused sympathy and support on the part of the forward-thinking Tatar intelligentsia, but were not allowed for by the imperial structures, which was the reason for the failure of its attempts.

Ключевые слова

Оренбургское магометанское духовное собрание, мусульманские конфессиональные школы, программы мусульманских школ, школьная политика правительства в отношении мусульман.

Keywords

The Orenburg Muslim Spiritual Assembly, Muslim confessional schools, Muslim school curriculums, Government school policy towards Muslims.

В уставе Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС) – головного учреждения религиозно-культурной автономии мусульман Волго-Уральского региона и Западной Сибири – подчиненность конфессиональных школ его ведению выражалась опосредованно. Если в уставе Таврического магометанского духовного правления имелась специальные статьи, гласящие, что «Медресы и другие училища могут по распоряжению Таврического магометанского духовного правления быть учреждаемы в каждом селении, несмотря на то, какое число ревизских душ; для открытия училища нужно только согласие общества и назначение достаточных для содержания средств» (ст. 1201) и «Имея также попечение о содержании училищ при мечетях, оно наблюдает как за учением, так и за нравственным поведением учителей и учеников» (ст. 1999)¹, то в нормативном документе ОМДС такой контроль формировался благодаря проведению испытаний у кандидатов на приходские духовные должности, т. е. контролю деятельности духовных лиц (ст. 1238, б, в)². Духовное собрание не имело отношения ни к финансированию школ, которое являлось делом местного религиозного общества или меценатов, ни к учебно-образовательным программам – за них несли ответственность заведующий школой и хальфы.

В 1874 г. медресе и медресе губерний Казанского и Оренбургского округов были переданы в ведение Министерства народного просвещения³. При этом вышеназванная статья устава сохранила силу закона. В последней четверти XIX в. ОМДС продолжало вмешиваться в «школьный вопрос» в тех редких случаях, когда кто-либо из мусульман безвозмездно передавал в дар конфессиональной школе недвижимость. В таких случаях Духовное собрание выступало посредником между правительством и жертвователем, принимая участие в оформлении дарственного акта в установленном порядке. Однако, по мере расширения модернизационных процессов в мусульманском сообществе, интерес председателя и членов ОМДС к деятельности конфессиональных школ усиливался. В данной статье, которая носит постановочный характер, рассмотрим несколько сюжетов, когда ОМДС старалось оказывать влияние на изменение содержания обучения в школах, ориентируясь на вызовы современного общества.

Введение в медресе в качестве учебного предмета правил наследования

Современник муфтия М. Султанова Д. Ж. Валиди отмечал, что в кадимистских медресе главное внимание уделялось теоретическим знаниям исламского вероучения, потому что их целью являлось не обучение основам шариата, а интерпретация шариата. В них практически не преподавались правила наследования, к изучению фикха приступали практически накануне избрания в муллы⁴.

Отношение к преподаванию данного предмета стало меняться после избрания в декабре 1883 г. духовными лицами Казанской губернии на должность казыев ОМДС на трехлетний срок муллу казанской Усмановской мечети Мухаммадея Салихова, имама дер. Кулаево Царевококшайского уезда Мухаметшакира Сайфуллина, а также повторно, на очередной срок, Залялетдина Тазетдиновича Максютотова. Казанские купцы гарантировали впервые избранным лицам дополнительное вознаграждение к их годовому жалованью по 600 руб., обеспечив им достойное существование.

В этот период муфтий С. Тевкелев, достигший преклонного возраста, тяжело болел, и М. Салихов, будучи старшим казыем, с момента переезда в Уфу временно исполнять обязанности председателя ОМДС. Тевкелев умер 2 января 1885 г. Его преемник на этом ответственном посту М. Султанов был высочайше утвержден муфтием спустя год – 2 января 1886 г. и приступил к своим новым обязанностям 1 марта. В этот промежуток времени – более двух лет – Духовным собранием руководил старший заседатель М. Салихов.

Резюмируя знаменательные периоды в истории ОМДС, Р. Фахретдинов отмечал, что в 1884-1886 гг. здесь царил порядок, и казиями служили «совершенные личности». Согласно его сведениям, эти личности, по крайней мере, внесли два новшества в работу Духовного собрания. Первое – прекратили практику получения «садаки» от испытуемых кандидатов в муллы за успешную сдачу экзамена. Второе – объявили, что те кандидаты в муллы, которые не изучали «Фараиз» (книга о правилах раздела имущества по шариату), не будут допущены к экзаменам⁵.

Узнав о новшестве и искренне заботясь о духовной карьере старших шакирдов, некоторые хальфы принялись активно изучать и преподавать новый предмет. Более того, с целью облегчения усвоения материала некоторые из них написали и издали собственные учебные пособия. Так, хальфа медресе дер. Нижние Шинчали (Чыршылы) Бугульминского уезда Самарской губернии Р. Фахретдин, получив вышеназванное известие, также приступил к преподаванию нового курса, а спустя несколько лет изложил опыт своего преподавания в книге «Китабе мокаддима. Этгэхрирел-мосаффа», увидевшей свет в 1888 г. в Казани.

Хальфа казанского медресе «Гаффария» Хасангата Габаша, с целью разъяснения шакирдам основ фикха, перевел на татарский язык книгу известного востоковеда Александра Казембека (1802-1870) «Мюхтесерюль-вигкает или сокращенный вигкает; курс мюсольманского законоведения по школе ханефидов», изданный автором в 1845 г. в качестве подарка хану Букеевской орды Джангиру. Дополнив первоначальный текст собственными пояснениями и комментариями, в 1890 г. Габаша издал свое произведение в типографии братьев Мухаммаджана и Шарифжана Каримовых под названием «Тэржемэ эл-рисалэ эл-мөлхэка ли-эүвэл Мохтасар эл-Викая». К несчастью, вследствие пожара на складе типографии большая часть тиража учебного пособия погибла в огне и до медресе дошла лишь небольшая часть⁶.

Однако таких активных, инициативных и ответственных хальф было немного, в большинстве случаев кандидаты в муллы оставались один на один с проблемой изучения правил наследования и решали ее своими усилиями, самостоятельно изучая новую дисциплину или нанимая репетитора по данному предмету. Важно отметить, что казыи М. Салихов и М.-Х. Сайфуллин не были избраны членами ОМДС на следующее трехлетие⁷, и введенное ими новшество, которому не была придана форма соответствующего постановления ОМДС, успела охватить весьма ограниченное число медресе. Однако важнейшим

результатом их новшества явилось появление учебных пособий, составленных хальфами, что, несомненно, создавало возможность самостоятельного освоения дисциплины старшими шакирдами медресе.

В большинстве случаев бывшие шакирды, став муллами, автономно или по подсказке своих коллег, обращались к разным источникам. По имеющейся в ОМДС информации, которая формировалась из собственной судебной практики казыев, которые являлись имамами Казанской губернии, а также из поступивших жалоб прихожан, недовольных действиями мулл, при работе с обращениями о разделе имущества и наследства, приходское духовенство руководствовалось книгами «Хидая», «Мухит Бургани», «Мухит Сурака», «Казыхан», «Баяза», «Хысысатуй Фетва» и другими⁸.

Новое поколение казыев, которые по рекомендации муфтия М. Султанова стали утверждаться министром внутренних дел, также внесло свою лепту в судебную практику приходского духовенства, способствовал установлению единообразия использования в округе ОМДС книг по разделу имущества. Как известно, с 1891 г. в ОМДС в качестве заседателя начал служить Ризаэддин Фахретдин, с 1892 г. – ахун г. Тары Габдерашит Ибрагимов. 22 мая 1893 г. – в период, когда муфтий М. Султанов совершал хадж, а обязанности председателя ОМДС временно исполнял Габдерашит Ибрагимов, министр внутренних дел утвердил «Правила для руководства приходским муллам при разделах наследственных имуществ умерших магометан». Отныне закон предписывал приходскому духовенству производить раздел имущества исключительно на основании ревятов книги «Фараиз»⁹ (Ш. Марджани (1818-1889) обучал своих шакирдов по этой книге. – И. З.). Очевидно, те медресе, в которых ранее практиковалось преподавание правил наследования, постепенно стали ориентироваться на «Фараиз». Например, если в конце XIX в. в сельском медресе братьев Буби в Вятской губернии данной дисциплине обучали по книге «Сиразия»¹⁰, то в начале XX в., не позднее 1908 г., использовали «Фараиз»¹¹. Очевидно инициатива ОМДС сыграла важнейшую роль в формировании приоритетности изучения «Фараиза» в медресе и постепенном переходе всего корпуса мулл округа ОМДС к использованию данной книги как основы в судебной практике. В начале XX в. в кадимистских медресе постепенно сложилась вышеописанная Дж. Валиди ситуация: к изучению фикха приступали практически накануне избрания в муллы.

Призывы к всеобщему начальному образованию

Впервые тема всеобщего образования в округе ОМДС была высказана в фетве оренбургского муфтия от 6 сентября 1897 г. Председатель Духовного собрания, доселе избегавший обсуждения школьного вопроса, в своем обращении к духовным лицам определил одной из актуальных проблем мусульманского сообщества получение начального образования и религиозно-нравственное воспитание подрастающего поколения. Назвав прихожан ответственными за создание надлежащих условий для этого, М. Султанов обязал сельские общества создавать современную учебно-материальную базу в каждом приходе путем строительства учебного здания и осуществить тотальный охват мальчиков школьным образованием посредством тесного сотрудничества духовенства (главы религиозной общины и муталлима) и прихожан (родителей и опекунов детей). Отныне педагогическая деятельность становилась прямой обязанностью муллы. В наставлении также прозвучал призыв преподавать лишь нужные для жизни знания, обращать особое внимание на грамотное и каллиграфическое письмо шакирдов¹².

В период массовой петиционной кампании мусульман Волго-Уральского региона в начальный период Первой русской революции с разрешения председателя Комитета министров С. Ю. Витте в ОМДС состоялся курултай представителей духовенства (10-15 апреля 1905 г.), на котором был разработан проект устава Духовного собрания. Согласно проекту устава, конфессиональные школы и организация учебно-образовательного процесса в них должны были находиться в компетенции религиозного управления,

что противоречило действующему законодательству. Обязанностью Духовного собрания объявлялась забота о духовно-религиозном воспитании и образовании детей, открытие конфессиональных и иного типа духовно-религиозных и народно-образовательных мектебе и медресе «в целях осуществления предписываемого шариатом обязательного бесплатного и всеобщего обучения» (ст. 19, п. 12)¹³.

Важно подчеркнуть, что новые идеи Уфимского курултая были закреплены и развиты в решениях III-го Всероссийского съезда мусульман (г. Нижний Новгород, 11-19 августа 1906 г.). В постановлении по 2-му пункту программы – о необходимости полного преобразования мектебов и медресе – была пролонгирована статья проекта устава ОМДС об открытии начальных школ во всех селениях, или полном охвате подрастающего поколения этно-конфессиональным начальным образованием, которая была дополнена важнейшим положением об обязательности начального образования для всех детей школьного возраста, независимо от пола¹⁴.

15-25 июня 1914 г. в Санкт-Петербурге состоялся Всероссийский IV съезд мусульман, на котором по поводу всеобщего образования было заявлено, что обучение в начальных мектебах обязательно для детей мусульман и в каждой деревне следует открывать мектеб¹⁵.

Подготовка учебных пособий для джадидских начальных школ

В консолидации прогрессивно настроенных представителей различных профессиональных и сословных групп мусульманского населения в округе ОМДС важную роль сыграло учреждение 6 января 1898 г. в Уфе по инициативе казыев Хасангаты Габаша и Ризаэддина Фахретдина неофициальной организации «Ислахый мактаб ва нашери магарифе мослимин» («Обновление школьного дела и издание обновленных мусульманских учебно-методических пособий»).

15-17 июня того же года в Уфе состоялось неофициальное совещание общественной организации.

На данном совещании был составлен список будущих авторов десяти новых учебных пособий для формирующейся джадидской четырехлетней начальной школы. Создание учебника по синтаксису родного языка было поручено Ф. Карими. Хрестоматию по нравственному воспитанию вызвался написать мударрис Иж-Бобьинской медресе Ф. Нигматуллин, учебник по счету – Ш. Тагиров, по истории тюрок – Х.-Г. Габаша, по нравственному воспитанию – А. Даудов, по правилам написания сочинения – Г. Баруди, по грамматике родного языка и географии – А. Максуди. Разработка методического пособия для учителей начальных классов была возложена на инспектора КТУШ Ш. Ахмерова и Ф. Мухетдинова и т. д.

Хотя по разным причинам члены Общества не смогли собраться через год на новое совещание и доложить о результатах своей работы, процесс подготовки учебных пособий для джадидских мектебов был запущен¹⁶. В начале XX в. начальная школа активно использовала издания, первоочередной перечень которых был составлен в 1898 г. в ОМДС.

Подготовка учителей для новометодных школ

Введение всеобщего образования было возможно только путем распространения новометодного образования. В этой связи одной из важных проблем являлась подготовка педагогов для джадидских учебных заведений. На рубеже столетий сформировались каналы подготовки учителей для изучения методики преподавания и получения навыков обучения отправка молодых людей в Крым, в медресе «Зынжырлы», к И. Гаспринскому, и учебные заведения Османского государства.

Вскоре аналогичные центры возникли на территории компактного расселения татар. Познакомившиеся в июне 1898 г. в Уфе на совещании неофициальной организации купец Гани Хусаинов и выпускник высшей школы по подготовке чиновников в Стамбуле Фатих Карими организовали в Сеитовом посаде Оренбургской губернии в 1899-1901 гг. за счет

приглашаемой стороны (до запрета властей) в летнее время подготовку 314 мугаллимов из Волго-Уральского региона и Западной Сибири¹⁷.

Появление подготовленных педагогов поставило на повестку дня необходимость легализации их преподавательской деятельности. Воспользовавшись отсутствием в российских законах четкой регламентации порядка и механизма проведения экзаменов у кандидатов на духовные должности, председатель и заседатели Духовного собрания стали допускать к испытаниям лиц, не имеющих соответствующих общественных приговоров приходом об их избрании на духовные должности. Каждый такой случай (возможно, не без усилий казыев) становился известным среди шакирдов и мотивировал их приезжать в ОМДС за искомым документом. Для справедливости следует отметить, что по этому поводу у шакирдов, просчитывающих шаги своей будущей духовной карьеры, также имелся собственный интерес. Свидетельство ОМДС с указанием духовного звания являлось одним из важнейших документов для назначения на приходскую духовную должность – наряду с общественным приговором местных жителей о избрании и справкой полиции о политической лояльности и отсутствии правонарушений кандидата. Это – во-первых. Во-вторых, наличие свидетельства ОМДС позволяло учителю джадидской школы легально вести преподавание в открытой меценатами начальной школе и не бояться доносов местных мулл. Таким путем ОМДС создавал прецедент, ломая монополию местного имама в образовательной сфере и подводя правовую основу для параллельного существования в одном поселении джадидского и кадимистского учебных заведений.

В 1908 г., после того как достоянием мусульманской общественности стало содержание циркуляра министра внутренних дел П. А. Столыпина от 5 марта 1908 г. за № 615, адресованного губернаторам о необходимости сбора сведений о педагогической деятельности мугаллимов, получивших образование в заграничных исламских религиозных центрах, эта сторона деятельности ОМДС приобрела еще одну смысловую нагрузку, а именно – путем ускоренной организации приема экзаменов у данной категории духовенства и выдачей соответствующего свидетельства обеспечить легитимность их положения в сфере религиозного образования¹⁸.

На активность ОМДС Министерство внутренних дел отреагировало предложением от 12 декабря 1911 г. за № 11212. Напомнив, что независимо от удостоверения ОМДС губернскими правлениями на духовные должности допускаются избранные обществами лица, отличающиеся «надежностью, верностью и добрым поведением», оно потребовало от религиозного правления, не ограничиваясь проведением испытания на звание муллы по богословским предметам, всесторонне удостоверяться относительно их «общего развития и нравственных качеств». Впредь Духовное собрание было обязано «присовокуплять» выдаваемому свидетельству и заключение соответствия кандидата требованиям закона с непременно при этом указанием того учебного заведения (находящегося в России или за границей), «в коем кандидат этот получил духовное образование»¹⁹. Во исполнение предписания министра внутренних дел Макарова, ОМДС 30 мая 1912 г. циркулярно предписало заведующим мектебов и медресе своего округа снабжать всех желающих подвергнуться испытанию на должности имамов, имамов-хатыпов и мударрисов аттестатами большого формата с оплатой гербового сбора по возможности на русском языке, разместив в них следующие сведения: 1) имя, фамилия и место приписки; 2) возраст; 3) сколько обучался в учебном заведении; 4) какие прошел богословские науки; 5) нравственные качества и поведение²⁰.

Расширение ареала расселения мусульман под воздействием социально-экономических и демографических факторов, том числе в местностях, расположенных далеко от регионов компактного расселения татар, вынесло на повестку вопрос обеспечения новых религиозных обществ духовными лицами и мугаллимами. Местные лидеры новых татарских поселений, в условиях отсутствия татарской периодической печати лишённые

национального информационного поля для публичного оглашения своих насущных нужд по организации религиозно-обрядовой жизни на чужбине, при подборе кандидата на должность муллы обращались за содействием и советом в Духовное собрание.

Вследствие такого рода обращений с мест и переписки у заседателей ОМДС сформировался своеобразный «банк данных» о вакантных духовных должностях в дальних регионах, которые считались непривлекательными или бесперспективными в плане материального обеспечения духовных лиц. Действительно, эта группа татарских общин в русских городах или рабочих поселках, или в деревнях находилась в стадии адаптации и переживала огромные материальные трудности и душевный дискомфорт, характерный для этапа становления и обустройства первого поколения мигрантов. Очевидно, молодой человек, принимая предложение выехать к этой категории единоверцев, глубоко осознавал, что вдали от исторической родины обрекает себя на сложные условия жизни и профессиональной деятельности.

Тесно общаясь в официальной или неформальной обстановке с молодыми людьми, приехавшими сдавать экзамен в ОМДС, казьи выявляли среди них наиболее одаренных и имеющих активную жизненную позицию лиц. Проводя соответствующую профориентационную и идеологическую обработку, заседатели Духовного собрания сыграли весомую роль в комплектовании татарских общин в Сибири и на Дальнем Востоке, нуждающихся в муллах, квалифицированными педагогическими и религиозными кадрами.

О такой целенаправленной деятельности казиев сообщал Р. Фахретдин, заседатель Духовного собрания в 1891-1906 гг. Важно отметить, что и после отъезда молодых людей на место духовной службы Р. Фахретдин не прерывал с ними связь, переписываясь и морально поддерживая их своими советами. Более того, в 1905 г. Р. Фахретдин подготовил для публикации сборник писем молодых мулл, служивших по просьбе/рекомендации казиев в дальних регионах, который, правда, остался неизданным. Однако сохранились письменные свидетельства об активной профориентационной работе в стенах ОМДС. Так, с началом издания со 2 сентября 1905 г. в Санкт-Петербурге газеты «Нур», редакция которой в первое время особенно остро нуждалась в материалах, Р. Фахретдин передал часть этих писем ее издателю Гатаулле Баязитову, напечатавшему некоторые тексты в первых номерах своего периодического издания. После переезда в Оренбург Р. Фахретдин начал издавать в 1906 г. под своей редакцией газету «Вақыт», в 1-м и 6-м номерах газеты он также разместил отрывки из писем своих подопечных, иллюстрирующие тяжелое социально-экономическое положение татарских диаспор²¹.

Очевидно, что с появлением татарской периодической печати, которая приняла на себя основную функцию по распространению социально значимой информации по обеспечению жизнедеятельности новых приходов на окраинах и в центральных губерниях страны, это направление деятельности ОМДС в значительной степени потеряло прежнюю актуальность, однако никто не отменял авторитетное слово и совет заседателей Духовного собрания по лучшему использованию возможностей молодых людей в деле служения миллету.

Подготовка совещания для обсуждения вопросов реформирования конфессиональной школы

Вера в искренность обещаний императора Николая II по осуществлению демократических преобразований в стране и превращению России в подлинное социальное государство, а также уверенность в скорейшем утверждении проекта устава ОМДС подтолкнули муфтия М. Султанова к идее организации совещания по конфессиональным школам. В рамках его подготовки, с целью сбора информации об умонастроении мударрисов и их размышлениях о первостепенных задачах комплексной реформы школы, казый Р. Фахретдин разместил в газете «Тарджеман» (1905, № 104, 12 декабря) анкету с вопросами.

Эта анкета в целом дает общее представление о приоритетных школьных темах для ОМДС в тот период.

Первый блок вопросов имел отношение к организации управления школами. (Заведование должно сохраниться за духовенством или за доверенным лицом от приходского попечительства? Оправданно ли исполнение имамами обязанностей мугаллима и мударриса? Если нет, то почему?).

Второй блок вопросов был заточен на тему школьного возраста, совместного обучения мальчиков и девочек в одном классе и возможности преподавания в смешанных классах учительниц.

Третий блок вопросов был призван регулировать порядок экзаменов: должны ли они быть после окончания каждого класса или только после завершения обучения в школе.

Четвертый блок вопросов предполагал установить перечень требований к учительскому персоналу, в том числе в отношении лиц, которые не сдавали экзамен в ОМДС.

Пятый блок вопросов затрагивал, главным образом, проблему подготовки квалифицированных преподавателей, в том числе в дарульмугаллимине (мужская учительская школа), дарульмугаллимате (женская учительская школа) и высших (галия) медресе.

Шестой блок вопросов касался организации раздельного обучения мальчиков и девочек (в различные смены или в параллельных классах), а также использования, в случае недостатка учебных площадей, приходской мечети.

Вопросы преподавания учебных дисциплин были сосредоточены в седьмом блоке: обучение поручать одному педагогу или учителям-предметникам?

Восьмой блок вопросов был посвящен определению языков обучения, помимо родного.

Ключевым представляется предпоследний, девятый блок вопросов. Исходя из необходимости подготовки востребованных для будущего народа личностей, какие предметы должны быть в учебной программе? Удовлетворяют ли потребности имеющиеся учебные пособия? Если нет, то в чем заключаются их недостатки? Какие дополнительные учебные предметы и пособия следует ввести в программу и какие изъять из учебного процесса?

Последний, десятый, блок вопросов предполагал выявление источников финансирования образовательных учреждений. В частности, ставился вопрос: можно ли жертвовать учебным заведениям «масраф садака», предназначенный для бедных?²²

Осознавая сложность и деликатность школьной темы, Р. Фахретдин формировал вопросы ненавязчиво, как бы советуясь и оставляя практически по каждому из них место для различного рода рассуждений. Несмотря на витиеватый стиль изложения, автор сумел обозначить практически основные все проблемы организации учебно-образовательного процесса, интересующие ОМДС на тот момент.

Ответы девяти религиозных деятелей на анкету Р. Фахретдина были опубликованы в 1906 г. в газетах «Тарджеман», «Казан мухбири», «Азад» и «Хаят»²³. Однако, как показали дальнейшие события, их старания оказались невостребованными. Причину того, что созыв совещания по школьному вопросу в ОМДС был отложен, Р. Фахретдин впоследствии объяснил изданием «манифестов», приведших к существенным изменениям в общественной жизни²⁴.

Подготовка проекта устава Уфимского дарульмугаллимина «Султание» при ОМДС и его учебной программы

Юбилейные мероприятия по случаю 25-летия пребывания М. Ш. Султанова на посту муфтия, состоявшиеся в Уфе 20-21 мая 1911 г., мусульманская общественность использовала для обсуждения и принятия решения об учреждении двух учительских институтов – мужского и женского (дарульмугаллимина и дарульмугаллимата)²⁵. Таким образом, на мероприятии было обращено самое пристальное внимание на проблему женского образования

и подготовку учительниц. После завершения юбилейных мероприятий членами Комитета по проведению юбилейного торжества были подготовлены все необходимые документы. 7 октября 1911 г. с разрешения губернатора был напечатан проект устава Уфимского даруль-мугаллимина «Султание», согласно которому учредителем учебного заведения с шестилетним обучением «на тюрко-татарском языке» становилось ОМДС, а высший надзор принадлежал Министерству внутренних дел по Департаменту духовных дел иностранных исповеданий. В дарульмугаллимин принимались по итогам испытания лица не моложе 15 лет.

Программа обучения предполагала освоение учащимися следующих религиозных предметов: история ислама, основы веры (основные догмы веры, толкование Корана, Хадисы, фикх (мусульманское законоведение), этика) и ряд светских дисциплин: родной язык, арабский язык, русский язык, всеобщая и российская история, география, естествоведение, педагогика, методика, арифметика, начальные сведения по алгебре и геометрии, начальные знания по законоведению, гигиене, санитарии и сельскому хозяйству. Констатировалась необходимость сбора среди единоверцев 200 тыс. руб. для открытия женской и мужской учительских школ²⁶. Окончившие первые четыре класса лица допускались к преподаванию в джадидском мектебе, окончившие полный курс – в медресе²⁷.

В декабре 1911 г. во время торжественного обеда, организованного депутатами Государственной думы в честь приезда в Санкт-Петербург муфтия М. Султанова и нескольких членов Комитета юбилейного мероприятия, гости из г. Уфы передали копию программы будущей учительской школы руководителю мусульманской фракции Котлымухаммату Тевкелеву. Оригинал программы муфтий лично вручил столичным чиновникам²⁸.

Однако соответствующего разрешения со стороны центральной власти не последовало. Дело в том, что с 30 ноября 1910 г. по 14 декабря 1911 г. в Санкт-Петербурге работало Межведомственное совещание о постановке школьного образования в местностях с инородческим и инославным населением, участники которого высказались за запрещение нерусских по учащемуся контингенту начальных профессиональных педагогических учебных заведений. Подготовку учителей нерусских начальных школ рекомендовалось вести в «общих семинариях и учительских школах вместе с русскими»; считалось, что в таком случае будущие педагоги будут лучше знать «русский язык, скорее усвоят русский дух, проникнутся русской культурой, а русские практически будут знакомиться с языком инородцев, среди которых им придется жить и детей которых придется обучать»²⁹.

Рекомендации по учебным программам школ

В январе 1908 г. ОМДС организовало издание «Мәғълүмәтә мәхкәмәи шәрғияи Ырынбургия» («Известия Оренбургского магометанского духовного собрания»), подписав на ведомственный журнал руководителей всех приходов без согласования вопроса с ними³⁰. Намереваясь активно использовать ведомственный информационный ресурс для распространения обновленческой идеологии и ведомственных предписаний, нанятый муфтием редактор журнала депутат Государственной думы первого созыва мулла Сабирджан Хасанов уже во 2-м номере опубликовал и рекомендовал в качестве образцовой, программу пятилетней начальной школы со звуковым методом обучения, принятой в том же году на совещании татарских мугаллимов в Омске. Программа предполагала освоение азбуки, уроки по арабскому языку, изучению, толкованию и выразительному чтению Корана, истории пророков, истории ислама, хадисов, законоведению (фикх), уроки по основам мусульманского вероучения, религиозным обрядам. Также она включала несколько общеобразовательных предметов: арифметику, тюркский (родной язык), географию, краткую естественную историю³¹.

Попечитель Оренбургского учебного округа Н. А. Бобровников 20 апреля 1908 г. сообщил министру народного просвещения свое крайнее недовольство публикацией «образцовой программы» начальной школы: «новометодное направление, с его пантюркскими

идеями, которое доселе рекомендовалось народу как частная мысль, ныне предлагается ему под флагом официального издания»³².

Особое совещание по выработке мер для противодействия татарско-мусульманскому влиянию в Приволжском крае (январь 1910 г.) впервые ввело в имперский дискурс понятие «мусульманское конфессиональное образование». Его ключевыми признаками были названы: отсутствие в программе общеобразовательных предметов и русского языка; обучение только на родном языке учащихся; непосредственная подчиненность школ мусульманскому духовенству, ведомственный контроль не учебного ведомства, а Министерства внутренних дел. Наполнение смысловым содержанием «конфессионального образования», т. е. составление программы конфессиональных учебных заведений, поручалось разработать авторитетным представителям мусульманского духовенства³³.

Стержневой идеей новой концепции разделения мусульманских школ на конфессиональные и светские должно было стать подчинение мектебов и медресе с общеобразовательными предметами существующим для этого типа нерусских учебных заведений «общим правилам». В его итоговом документе под названием «О мерах для противодействия панисламскому и пантуранскому (пантюркскому) влиянию среди мусульманского населения», адресованном министром внутренних дел П. А. Столыпиным отношением от 15 января 1911 г. за № 535 в Совет Министров, мектебам и медресе, в которых было установлено преподавание общеобразовательных предметов, рекомендовалось «в течение годового срока либо устранить это преподавание, превратив подлежащие учебные заведения в чисто конфессиональные школы, либо преобразоваться в общеобразовательные учебные заведения на общеустановленных началах, либо закрыться»³⁴. Однако убийство 18 сентября 1911 г. премьер-министра и министра внутренних дел П. А. Столыпина негативно сказалось на сроках реализации этих мероприятий.

Спустя несколько лет, под предлогом подготовки Особого совещания по мусульманским делам (состоялось в мае 1914 г. – И. 3.), директор Департамента духовных дел иностранных исповеданий (ДДДИИ) Е. В. Менкин обратился к муфтию М. Султанову за содействием в разработке нового закона о «мусульманской конфессиональной школе», прислав письмом от 12 сентября 1913 г. за № 8441 шесть вопросов, имеющих отношение к их функционированию. Вопросы касались целей и назначения, порядка организации обучения, критериев подбора учительского персонала и т. д. В этом перечне самым актуальным и сложным был 4-й вопрос – об учебных предметах и программы преподавания.

Для обсуждения и выработки консолидированного решения мугаллимов и мударрисов оренбургский муфтий пригласил ограниченный круг духовных лиц 10 декабря 1913 г. на совещание. Когда общественность узнала, что совещание запланировано без согласования с властями, М. Султанов, чтобы не ставить себя под удар, объявил об отмене мероприятия. Однако муллы, не получившие его вторую телеграмму об отмене мероприятия, в связи с выездом в ОМДС, по прибытии в Уфу сами обратились к министру внутренних дел за разрешением на проведение совещания, представив список его участников³⁵.

Всего на совещании, состоявшемся под председательством муфтия М. Султанова в Уфе 14 и 15 декабря 1913 г., участвовало 22 духовных лица, включая казыев ОМДС.

По первому вопросу ДДДИИ о предназначении «магометанских вероучительных школ», было заявлено: «мусульманские школы (мектебе и медресе) такие суть места, в которых обучают правилам мусульманской религии и нравственности, дабы они, мусульмане, полученными в них познаниями могли пользоваться, благами как в земной, так и в загробной их жизни»³⁶.

По второму вопросу ДДДИИ о том – содержатся-ли в шариате вообще и какие именно указания относительно преследуемых магометанскими вероучительными школами целей, порядка ведения в них преподавания и прочее – со ссылкой на один из хадисов пророка Мухаммада было заявлено, что «цель обучения мужчин в мужских школах заключается

в стремлении их обучать к тому других, точно также и цель обучения женщин в женских вероучительных школах (мектебе и медресе) заключается в надлежащем подготовке учениц к занятию должностей учительниц для обучения и просвещения других непросветленных женщин»³⁷.

По четвертому вопросу (о предметах преподавания в «мусульманской конфессиональной школе»), со ссылкой на аяты Корана и хадисы пророка Мухаммада, а также на труды религиозных авторитетов («доказательства»), участники совещания составили перечень из 34 учебных предметов, значительную часть которых представляли светские дисциплины³⁸.

Например, по поводу обязательности обучения на родном языке было приведено три «доказательства».

Первое «доказательство». Коран, глава 94-я, стих 1-5: «О, Магомет! Читай, во имя твоего Господа, который из ничего сотворил всю вселенную, который создал человека из кровавого сгустка. О, Магомет! читай, ибо Господь твой обладает высшим великодушием и щедростью. Он научил человека пользоваться пером. Он научил человека тому, чего тот не знал раньше». На этом основании был сделан вывод: «Из стиха этого ясно, что учение необходимо, что Всевышний Бог научил людей тому, чего они не знали. Дарованную Богом способность владеть и пользоваться пером невозможно осуществить иначе, как образованием и воспитанием. Сам Боговдохновенный пророк сказал, что без учения не может быть познаний, что познания приобретаются только учением. Таким образом, следует признать, что мектебе и медресе имеют прямым своим назначением обучение народа всем необходимым в жизни познаниям – чтению, письму и проч. Обязательность обучения чтению и письму на родном языке учащихся доказывается тем, что Бог сказал: Мы ни одного пророка не посылали, который бы не говорил на языке своего народа и речь которого была бы не понятна его соплеменникам».

Второе «доказательство». Коран, глава 68-я, стих 1: «Клянусь пером и всем тем, что они пишут (люди)». На этом основании делался вывод о том, что «перо и все, что творится благодаря перу, в высшей степени угодные Богу вещи. Если это так, то владеть пером и учиться правильно писать должен всякий мусульманин».

Третье «доказательство». Один из хадисов пророка Мухаммада: «учение свяжите письмом». Следовательно, «знания сохраняются только на письме. Стало быть, необходимо учиться писать»³⁹.

Для обоснования необходимости изучения в мусульманской конфессиональной школе национальной истории («милли тарих») приводились два веских аргумента. Первое «доказательство» заключалось в аяте Корана (глава 49, стих 14): «О, люди! Мы создали вас от одних прародителей, мы разделили вас на поколения и племена для того, чтобы вы узнали друг друга». На этом основании делался вывод: «Из содержания стиха ясно, что нужно знакомиться с своими родственными поколениями и племенами. А это может быть достигнуто только путем изучения национальной истории». В качестве второго «доказательства» послужил хадис, заимствованный из книги «Мишкат» (глава об учении): «Для того, чтобы хранить родственную нить, необходимо знать генеалогию». На этом основании участники заключили, что «знание генеалогии необходимо. Исполнение этого требования возможно только посредством изучения национальной истории»⁴⁰.

Любопытны доводы участников совещания по поводу востребованности изучения предмета «Русская история»: «Ввиду того, что в шариате имеются указания на патриотизм, т. е. преданность, любовь и верное служение отечеству, то само собою разумеется, что изучение русской отечественной истории и приятно, и полезно»⁴¹.

Важно подчеркнуть, что к этому времени и ОМДС, и татарские мударрисы были в курсе планов правительства о разделении и принципах разделения конфессиональных и светских школ мусульман⁴². Своим перечнем религиозных и общеобразовательных

учебных предметов, рекомендуемых для обучения в мусульманской конфессиональной школе на родном языке, участники совещания при ОМДС загнали Министерство внутренних дел в тупик. Как было отмечено, если имперские структуры планировали ограничить учебные предметы в «мусульманской конфессиональной школе» дисциплинами, имеющими непосредственное отношение к вероучению и шариату, то совещание духовных лиц при ОМДС, по сути, рекомендовало создать современную национальную школу с родным языком обучения, в которой численность светских дисциплин превышала религиозные. С политической точки зрения рекомендации совещания представителей духовенства при ОМДС 1913 г. по программе обучения в мусульманском конфессиональном учебном заведении правомерно расценивать как организованный оренбургским муфтием пассивный акт протеста против школьной политики правительства.

В связи с началом Первой мировой войны вопрос о программе мусульманских конфессиональных школ был отложен до завершения военных действий.

Резюмируя, отметим, что рассмотренные сюжеты наглядно свидетельствуют о том, что, хотя мектебе и медресе де-юре в 1874 г. были выведены из компетенции ОМДС и подчинены Министерству народного просвещения, Духовное собрание де-факто в той или иной степени отслеживало «школьный вопрос», воздерживаясь от прямого и открытого вмешательства в эту деликатную область взаимодействия с духовными лицами.

Настойчивость заседателей ОМДС в середине 1880-х гг. по введению в медресе важнейшего учебного предмета – правил наследования, необходимого для исполнения муллой обязанностей шариатского судьи в приходе, способствовало написанию учебников, в последующем – унификации использования в этой сфере книги «Фараиз», которую изучали в обновленных медресе, а после Первой русской революции 1905-1907 гг. данная дисциплина стала преподаваться накануне завершения шакирдом обучения практически во всех медресе-рушдия (среднее медресе). Для справедливости отметим, что усвоение данного предмета было объективно востребовано для будущих мулл, имело отношение к престижу медресе. В то же время своими инициативами Духовное собрание не только унифицировало рассмотрение наследственных дел по единому пособию, но и добивалось улучшения качества раздела имущества единоверцев, облегчая и уменьшая тем самым себе объем работы по рассмотрению, в качестве апелляционного органа, жалоб прихожан на несправедливые или спорные постановления приходского духовенства. В широком плане правильность/грамотность решений мулл было призвано не создавать прецедента для обращения спорящих лиц за поиском справедливости в российские судебные учреждения.

В период обострения противоречий между кадимистами и сторонниками обновления системы образования, начиная с 1898 г., Духовное собрание начало публично демонстрировать свою приверженность к джадидской школе.

В условиях ослабления правительственного контроля и в атмосфере демократических преобразований в период Первой русской революции Духовное собрание попыталось перейти к непосредственному руководству учебно-образовательной системой мусульман, прописав за собой в проекте устава ОМДС, выработанном на Уфимском курултае улемов 1905 г., весь контроль над учителями и реформирование всех типов существующих учебных заведений. Однако вследствие быстрой смены общественно-политической парадигмы в стране этим планам не было суждено сбыться. В последующие годы, соблюдая меры предосторожности, ОМДС придерживалось общего вектора своей школьной политики.

Политика отказа от прямого вмешательства в «школьный вопрос» выразилась прежде всего в том, что ни одно из решений не было оформлено как постановление Духовного собрания, что свидетельствует о грамотной юридической практике религиозного органа. Хотя в фетве муфтия 1897 г. в качестве одной из важнейших задач

мусульманского сообщества было объявлено непереносимое обучение мальчиков в мектебе, по российскому законодательству наставление муфтия не имело для духовных лиц обязательного характера и являлось лишь наставлением. В начале XX в., как было рассмотрено, Духовное собрание практиковало оформление всех своих важнейших решений как консолидированное мнение участников совещаний, непосредственно или опосредованно организованных членами и/или председателем ОМДС.

В результате просветительско-назидательский характер трансляции ОМДС обновленческих идей стал главным рычагом идеологического воздействия на мусульманское духовенство. Такая форма работы в значительной степени дополнялась активной деятельностью казыев, устраивавших словесные дискуссии со своими оппонентами во время межлисов и широко и умело использовавшие печатное слово для распространения новых идей.

В целом, вплоть до 1908 г., пока государство кардинально не пересмотрело свою позицию в отношении джадидских школ, отдав предпочтение кадимистским мектебам и медресе, курс ОМДС в целом совпадал с правительственной школьной политикой. В последующие годы различные инициативы или решения Духовного собрания, имеющие отношение к мусульманской школе, уже не одобрялись имперскими структурами.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Свод учреждений и уставов управлений духовными делами иностранных исповеданий христианских и иноверных. Изд. 1857 г. // Свод законов Российской империи. – Т. 11. Ч. 1. – СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1857. – С. 218, 219.
2. Там же. – С. 224.
3. Саматова Ч. Х. Имперская власть и татарская школа во второй половине XIX – начале XX века (по материалам Казанского учебного округа). – Казань: Татар. кн. изд-во, 2013. – С. 31
4. Валидов Дж. Очерк истории образованности и литературы татар. – Казань: Издательство «Иман», 1998. – С. 50.
5. Загидуллин И. К. Национальное движение мусульман Волго-Уральского региона в начальный период революции 1905-1907 гг.: монография. – Казань, 2019. – С. 172-178.
6. Загидуллин И. К. Уфимский курултай 1905 года: монография. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. – С. 173.
7. Загидуллин И. К. Мөфтиләр һәм казылар (Мәхкәмәи шәрғия (1788-1917) рәисләре һәм әгъзалары турында очерклар): монография. – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2021. – Б. 171, 199.
8. Азаматов Д. Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII-XIX вв. – Уфа: Гилем, 1996. – С. 141.
9. Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу Оренбургского магометанского духовного собрания. 1841-1901 гг. / Сост. Р. Фахрутдинов. – Уфа, 1902. – С. 61-62.
10. Махмутова А. Х. Традиционные учебные заведения и новометодное образование // История татар с древнейших времен в 7 т. Т. 6. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. – С. 804.
11. Бубый Габдулла. Бубый мәдрәсәсенең кыскача тарихы // Бертуган Бубыйлар һәм Иж-Бубый мәдрәсәсе: Тарихи-документаль җыентык / Төз. Раиф Мәрданов, Рамил Миңнуллин, Сөләйман Рәхимов. – Казан: Рухият, 1999. – Б. 47, 51.
12. Загидуллин И. К. Татарское национальное движение... – С. 368-369.
13. Загидуллин И. К. Уфимский курултай 1905 года... – С. 254.
14. Материалы и документы по истории общественно-политического движения среди татар (1905-1917 гг.) / Сост. Р. Р. Фахрутдинов. – Казань, 1992. – С. 21, 22.
15. Зорин Б. Мусульманский съезд 15-25 июня 1914 г. в Петрограде // Вестник Оренбургского учебного округа. – 1914. – № 6/7. – С. 276, 277.
16. Загидуллин И. К. Татарское национальное движение... – С. 368-369.
17. Шайдуллина Р. Р. Торгово-предпринимательская и благотворительная деятельность братьев Хусайновых (вторая половина XIX – начало XX вв.): дис... канд. ист. наук. – Казань, 2010. – С. 81-82.

18. Особое совещание по выработке мер для противодействия татарско-мусульманскому влиянию в Приволжском крае 1910 года: документы и материалы / Сост., авт. предисл., прим. и сокр. И. К. Загидуллин; сост. указ. Р. М. Залаялетдинова. – Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2015. – С. 174.
19. Российский государственный исторический архив, ф. 821, оп. 133, д. 623, л. 33-33 об.
20. Там же, л. 36.
21. Гайнетдин М. Риза Фәхретдин – публицист // Ризаэтдин Фәхреддин: мирасы һәм хәзерге заман. Мәкаләләр җыентыгы. – Казан: ТФА Тарих институты, 2003. – Б. 165-166.
22. Фәхретдин Р. Мәктәп вә зәкят, хәзинә вә земство ярдәме // Дини вә иҗтимагый мәсьәләләр. Сайланма хезмәтләр. – Казан: Рухият, 2011. – Б. 212-213.
23. Шунда ук. – Б. 214-232.
24. Шунда ук. – Б. 211.
25. Ахтямова А. В. Обзор татарской периодической печати губернского города Уфы (1906-1917 гг.) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. – 2021. – № 11. – Т. 1. – С. 26.
26. Устав Уфимского дарульмугаллимина «Султание». Уфада мөфти Солтанов намына ачылачак дәрелмөгаллимин уставының лаихәсе. – Уфа: Электротоварчество Каримов, Хусаинов и К, 1911. – С. 2, 3, 4.
27. Ваһапов Н. Ә. Татар вакытлы матбугатында мәгариф һәм тәрбия мәсьәләләренә чагылышы (1907-1916 еллар). – Казан, 2011. – Б. 104-105.
28. Климович Л. Ислам в царской России. – Казань: «Иман», 2003. – С. 127.
29. Загидуллин И. К. Межведомственное совещание при МНП 1910-1911 годов: причины созыва, подготовка, ход и решения // Межведомственное совещание 1910-1911 годов о постановке школьного образования в местностях с инородческим и инославным населением: Журнал / Сост., авт. статей, прим., указ. и сокр. И. К. Загидуллин. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. – С. 66.
30. Миңнуллин Р. «Мәгълүмат» журналының библиографик күрсәткече. – Казан: «Иман», 2002. – 7 б.
31. Особое совещание по выработке мер для противодействия татарско-мусульманскому влиянию в Приволжском крае 1910 года. – С. 68-74.
32. Там же. – С. 59.
33. Там же. – С. 497.
34. Там же. – С. 501-502.
35. Мортазина Л. Р. Ризаэтдин Фәхреддинның дини һәм милли мәктәпләр турындагы фикерләре // Историческая этнология. – 2020. – Т. 5. – № 2. – Б. 244.
36. Акт частного совещания духовных лиц округа Оренбургского магометанского духовного собрания на 14 и 15 декабря 1913 года, созванного с разрешения г. министра внутренних дел, по вопросам о магометанских конфессиональных школах (мектебе и медресе), в общедоступном толковании текстов в Коране. – Уфа: Электронная губерн. типография, 1914. – С. 3.
37. Там же. – С. 8-9.
38. Там же. – С. 31.
39. Там же. – С. 10.
40. Там же. – С. 13.
41. Там же. – С. 13.
42. Бубый Габдулла. Курс. хез. – Б. 54-55.

Список литературы

- Азаматов Д. Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII-XIX вв. – Уфа: Гилем, 1996. – 199 с.
- Ахтямова А. В. Обзор татарской периодической печати губернского города Уфы (1906-1917 гг.) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. – 2021. – № 11. – Т. 1. – С. 15-39.
- Валидов Дж. Очерк истории образованности и литературы татар. – Казань: Издательство «Иман», 1998. – 159 с.
- Ваһапов Н. Ә. Татар вакытлы матбугатында мәгариф һәм тәрбия мәсьәләләренә чагылышы (1907-1916 еллар). – Казан, 2011. – 188 б.

Гайнетдин М. Риза Фәхретдин – публицист // Ризаэтдин Фәхредин: мирасы һәм хәзерге заман. Мәкаләләр җыентыгы. – Казань: Изд-во Института истории АН РТ, 2003. – Б. 163-170.

Загидуллин И. К. Татарское национальное движение в 1860-1905 гг.: монография. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2014. – 423 с.

Загидуллин И. К. Межведомственное совещание при МНП 1910-1911 годов: причины созыва, подготовка, ход и решения // Межведомственное совещание 1910-1911 годов о постановке школьного образования в местностях с инородческим и инославным населением: Журнал / Сост., авт. статей, прим., указ. и сокр. И. К. Загидуллин. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. – С. 49-82.

Загидуллин И. К. Уфимский курултай 1905 года: монография. Казань, 2018. – 328 с.

Загидуллин И. К. Мөфтиләр һәм казыйлар (Мәхкәмәи шәргыя (1788-1917) рәисләре һәм әгъзалары турында очерклар): монография. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2021. – 266 б.

Климович Л. Ислам в царской России. – Казань: «Иман», 2003. – 193 с.

Махмутова А. Х. Традиционные учебные заведения и новометодное образование // История татар с древнейших времен в 7 т. Т. 6. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. – С. 791-816.

Миңнуллин Р. «Мәгълүмат» – Диния назәрәтенә рәсми органы // «Мәгълүмат» журналының библиографик күрсәткече. – Казан: «Иман», 2020/1423. – Б. 3-22.

Мортазина Л. Р. Ризаэддин Фәхрединнең дини һәм милли мәктәпләр турындагы фикерләре // Историческая этнология. – 2020. – Т. 5. – № 2. – Б. 243-253.

Саматова Ч. Х. Имперская власть и татарская школа во второй половине XIX – начале XX века (по материалам Казанского учебного округа). – Казань: Татар. кн. изд-во, 2013. – 239 с.

Шайдуллина Р. Р. Торгово-предпринимательская и благотворительная деятельность братьев Хусаиновых (вторая половина XIX – начало XX вв.): дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2010. – 212 с.

References

Azamatov D. D. *Orenburgskoe magometanskoe duhovnoe sobranie v kontse XVIII-XIX vv.* [The Orenburg Muslim Spiritual Assembly in the late 18th-19th century]. Ufa: Gilem publ., 1996, 199 p.

Akhtyamova A. V. *Obzor tatarskoy periodicheskoy pechati gubernskogo goroda Ufy (1906-1917 gg.)* [Review of the Tatar periodical press in the provincial city of Ufa (1906-1917)]. IN: *Iz istorii i kultury narodov Srednego Povolzhya* [Excerpts on the history and culture of the peoples of the Middle Volga region], 2021, no. 11, vol. 1, pp. 15-39.

Validov Dzh. *Oчерk istorii obrazovannosti i literatury tatar* [Outline of history of education and literature of Tatars]. Kazan: Izdatelstvo "Iman" publ., 1998, 159 p.

Vakhapov N. A. *Tatar vakytly matbugatynda magariif hem terbiya meseleleren chagylyshy (1907-1916 ellar)* [Reflection of educational issues in the Tatar provisional press (1907-1916)]. Kazan, 2011, 188 p.

Gaynetdin M. Riza Fakhretdin – publitsist [Riza Fakhretdin, a publicist]. IN: *Rizaetdin Fakhreddin: mirasy hem hezerge zaman. Mekaler zhyentygy* [Rizaettin Fakhreddin: heritage and modern times. Articles collection]. Kazan: TFA Tarih instituty publ., 2003, pp. 163-170.

Zagidullin I. K. *Tatarskoe natsionalnoye dvizhenie v 1860-1905 gg.: monografiya* [Tatar national movement in 1860-1905: monograph]. Kazan, 2019, 423 p.

Zagidullin I. K. *Mezhvedomstvennoe soveshchanie pri MNP 1910-1911 godov: prichiny sozyva, podgotovka, hod i resheniya* [An interdepartmental meeting at the MNP in 1910-1911: reasons for convocation, preparation, meeting and decisions]. IN: *Mezhvedomstvennoe soveshchanie 1910-1911 godov o postanovke shkolnogo obrazovaniya v mestnostyakh s inorodcheskim i inoslavnym naseleniem: Zhurnal. Sost., avt. statey, prim., ukaz. i sokr. I. K. Zagidullin* [Zagidullin I. K. (comp., auth. art., comments, direct. & abbr.) Interdepartmental meeting of 1910-1911 on the establishment of school education on the territories with non-Slavs and heterodox population: journal]. Kazan: Institutistoriim. Sh. Mardzhani AN RT publ., 2017, pp. 49-82.

Zagidullin I. K. *Ufimskiy kurultay 1905 goda: monografiya* [Quriltai in Ufa in 1905: monograph]. Kazan, 2018, 328 p.

Zagidullin I. K. *Moftiler hem kazyyilar (Mehkemeishergyia (1788-1917) reisleri hem egzalary turynda ocherklar): monografiya* [Muftis and qadis (Court essays on chairmen and members of the Court of Justice (1788-1917): monograph]. Kazan: Tatarstan kitap neshriyaty publ., 2021, 266 p.

Klimovich L. *Islam v tsarskoy Rossii* [Islam in Tsarist Russia]. Kazan: "Iman" publ., 2003, 193 p.
 Makhmutova A. H. *Traditsionnye uchebnye zavedeniya i novo-metodnoe obrazovanie* [Traditional educational institutions and new-method education]. IN: *Istoriya tatar s drevneyshih vremen v 7 t. T. 6.* [Tatar history from the earliest times in 7 volumes. Vol. 6]. Kazan: Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT publ., 2013, pp. 791-816.

Minnullin R. "Meglymat" – Diniya nazeretenen resmi organy ["Information", the official body of the Religious Court]. IN: "Meglymat" zhurnalynyn bibliografik kursetkeche [Bibliographic index of the journal Information]. Kazan: "Iman" publ., 2020/1423, pp. 3-22.

Mortazina L. R. Rizaeddin Fehreddinnen dini hem milli mektepler turynlagy fikerlere [Rizaeddin Fakhretdin's views of religious and national schools]. IN: *Istoricheskaya etnologiya* [Historical ethnology], 2020, vol. 5, no. 2, pp. 243-253.

Samatova Ch. H. *Imperskaya vlast i tatarskaya shkola vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka (po materialam Kazanskogo uchebnogo okruga)* [Imperial power and the Tatar school in the second half of the 19th – early 20th century (a case study of the Kazan educational district)]. Kazan: Tatar. kn. izd-vo publ., 2013, 239 p.

Shaydullina R. R. *Torgovo-predprinimatelskaya i blagotvoritelnaya deyatel'nost' brat'yev Khusainovykh (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.): dis... kand. ist. nauk* [Business and entrepreneurial activity and charity of the Husainov brothers (second half of the 19th – early 20th century): dis... Cand. Hist. Sc.]. Kazan, 2010, 212 p.

Сведения об авторе

Загидуллин Ильдус Котдусович, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Центра исламоведческих исследований АН РТ, e-mail: zagik63@mail.ru

About the author

Ildus K. Zagidullin, Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher at Center for Islamic Studies, the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, e-mail: zagik63@mail.ru

В редакцию статья поступила 11.05.2022, опубликована:

Загидуллин И. К. Оренбургское магометанское духовное собрание и вопросы обновления содержания обучения конфессиональных школ (конец XIX – начало XX в.) // Гасырлар авазы – Эхо веков Echo of centuries. – 2022. – № 3. – С. 146-161.

Submitted on 11.05.2022, published:

Zagidullin I. K. *Orenburgskoe magometanskoe dukhovnoe sobranie i voprosy obnoveniya sodержaniya obucheniya konfessionalnykh shkol (konets XIX – nachalo XX v.)* [The Orenburg Muslim Spiritual Assembly and revision of curriculum content at confessional schools (late 19th – early 20th century)]. IN: *Gasyrlar avazy – Eho vekov* [Echo of centuries], 2022, no. 3, pp. 146-161.

УДК 94 (470.57) «18/19»: 33 (470.57) (09)

В поисках татарского бизнеса (по материалам Уфимской губернии)

М. И. Роднов,

*Институт истории, языка
и литературы УФИЦ РАН,
г. Уфа, Республика Башкортостан,
Российская Федерация*

In search of Tatar business (a case study of Ufa province)

M. I. Rodnov,

*Institute of History, Language
and Literature, UFIC RAS,
Ufa, the Republic of Bashkortostan,
the Russian Federation*

Аннотация

Несмотря на достижения исторической науки последних десятилетий, в изучении истории татарского предпринимательства в пореформенную эпоху Российской империи, конкретных исследований мало. Одна из главных причин – плохая сохранность документов, особенно по малому и среднему бизнесу. Изучение материалов регистрации купцов и промышленников в 1860 и 1870-е гг. показывает в Уфимской губернии большое число татарских предпринимателей. Они регистрировались в уездных городах, а не в центре губернии. Их деятельность в первые пореформенные десятилетия в основном происходила в сельской местности и в малых городах. Но в Уфе, административном центре региона, также происходил рост предпринимателей из мусульман. Наибольшее значение татарские предприниматели в Уфимской губернии получают с 1880-х гг., когда из их рядов выдвинулся ряд миллионеров. С другой стороны, если использовать весь комплекс архивных и статистических документов, а также семейную генеалогию, можно максимально точно реконструировать историю семейств татарских торговцев даже для среднего бизнеса. В статье впервые показана подробная судьба предпринимателей-татар из рода Булгаковых. Выходцы из сельских жителей, они проживали к западу от Уфы. Уже в дореформенную эпоху один из представителей семьи выбился в кушцы. В условиях буржуазной экономики Булгаковы развернули широкую торговлю тканями, хлебом и другими товарами. Их бизнес был тесно связан с сельской местностью, куда переселяется из Уфы один из лидеров. Семейство Булгаковых отличалось высоким уровнем культуры, они использовали передовые банковские технологии, в начале XX в. создали акционерное общество (торговый дом).

Abstract

Despite the achievements of historical science in recent decades in terms of the study of the history of Tatar business during the post-reform era of the Russian Empire, the specific studies are limited. One of the main reasons is the poor preservation of documents, especially for small and medium-sized businesses. A study of the registration materials of merchants and manufacturers in the 1860s and 1870s shows a large number of Tatar entrepreneurs in Ufa province. They were registered in the chief towns of uyezds, and not in the center of the province. During the initial after-reform decades, their activities were mainly organized in rural areas and small towns. But